

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДАЧНЫЙ БЫТ XIX В. КАК ФАКТ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Патриция Деотто

Цветущие нивы, журчащий ручей,
Зеленые роши да кусты
Далеко, далеко сманили людей,
И даже трактиры все пусты!
(Н. А. Некрасов, *Петербург и петербургские дачи*)

Слово “дача”, первоначально означавшее дарованную землю, — специфическое явление, присущее петербургскому быту. При Петре I государственная служба стала обязательной для дворянства. Столичный дворянин не мог, как прежде, уехать на лето в родовое поместье, он был вынужден все время находиться вблизи царской резиденции. Петр I дарил своим приближенным землю на Островах (Каменном, Петровском, Крестовском, Елагином и др.) и в городе вдоль рек для строительства дворцов, которые получили в конце XVIII века устойчивое название “дачи”. Вот, например, как выглядела дача графа Строганова в Новой деревне:

Постройку здания своей дачи, чисто благородного стиля, как и разбивку всего сада с канавками, прудами, горками, граф поручил своему воспитаннику, известному в летописях русского искусства архитектору Воронихину...Строганова дача, одна из лучших в окрестностях столицы, и сохраняет по сей час характер настоящего барского жилища старой русской аристократии. В саду у Строганова хранились замечательные произведения искусства (Пыляев 1994: 8).

На этих дачах знать проводила время летом, готовая явиться по первому требованию во дворец императора.

В конце XVIII века началось дробление огромных земельных участков; стали застраиваться дачами Острова и Петергофская дорога. Представление об этих дачах дает объявление 1791 года о продаже одной из них на Петровском острове:

Дом на 6 квадратных сажен, в 2 этажа, на каменном фундаменте со службами, как то, баней, кухней, погребом, людской, сараем, конюшней, холостой избой, с забором, также с земляным валом, лесом, санными покосами и 5 прудами (Столпянский 1916: 41).

Из этого объявления следует, что эти фундаментальные постройки (“дачи”) ничего общего не имели с маленькими “карточными домиками”, в которых в 40-х гг. проводили лето небогатые петербуржцы,¹ Так Булгарин писал:

До конца XVIII века жили на даче только цари, владетельные князья, вельможи и первостатейные богачи... чиновники прогуливались в публичных садах или выезжали за город с семейством подышать чистым воздухом (Б. Ф. 1837).

По свидетельству петербургской периодики, дачи стали доступны широкому кругу горожан только с конца 30-х гг. прошлого века. С этого времени вокруг города начали появляться “дачные места”, начал формироваться новый “дачный” быт. В данной статье мы попытаемся проанализировать с культурологической точки зрения дачи как факт петербургской бытовой культуры.

С 40-х гг. “пышный стройный град” пушкинских времён резко меняет свой облик. В районе Сенной площади и Коломны появляются первые доходные или, как их тогда называли, “спекулятивные” дома для жильцов,² а за городом начинается интенсивное строительство дач для горожан. Петербуржцев все больше привлекает простор лесов, чистый воздух. Люди малого достатка откладывали деньги, чтобы снять дачу. Как пишет Булгарин, с 30-х гг. большинство жителей проводили лето за городом:

Почти все сидельцы Гостиного двора проветриваются по праздникам на дачах своих хозяев... Не ищите летом купца в лавке, аптекаря в аптеке, немецкого мастерового в мастерской, бумажного дельца в его кабинете! Все они на даче!... (Б. Ф. 1837).

Только состоятельные люди снимали дачу, сохраняя за собой квартиру в городе; а те же, кому не позволяли средства, наняв дачу,

¹ Понятие дачи как “карточный домик” часто встречается в литературе во второй половине XIX в. (Симанский, Дружинин и др.).

² О спекулятивных домах в С.-Петербурге см. “Художественная газета” 1840, 15 сентября, с. 25-29; о высоких домах в С.-Петербурге см. “Северная пчела” 1840, 29 августа.

покидали петербургское жилье, стараясь прожить на даче как можно дольше (с апреля по сентябрь и даже до октября), ибо за нее платили не ежемесячно, а за весь сезон.

Уже в 10-х гг. “крестьяне стали отдавать свои грязные хатки на лето небогатым жителям столицы” (Пыляев 1994:10). Но по мере того как спрос возрастал, землевладельцы стали застраивать свои участки дачами, извлекая из этого заметную прибыль.

Упоминание о подобных дачных постройках часто встречается в литературе. В основном, это жалобы на прижимистость дачевладельцев, которые строили дешевые, неказистые дома из случайного материала, мало приспособленные для жилья, чтобы в них поместилось как можно больше дачников, и совершенно не заботились о комфорте и здоровье, лишь бы заработать. В этих домах, как отмечает современник, “полный простор для сквозного ветра в горнице и дутье в щели” (Симанский 1892: 19).

В конце 30-х гг. окрестности столицы, расположенные вдоль рек, каналов и на Островах, стали излюбленными местами дачников: привлекало удобное пароходное сообщение с центром города, особенно тех, кто ежедневно ездил на службу в Петербург. Массовый отток летом жителей за город способствовал развитию транспорта и появлению общедоступных увеселительных садов (Конечный 1996). Раньше дачники могли пользоваться либо небольшими парходами, которые с пристани у Летнего сада перевозили их в Заречный Петербург и на Острова, либо извозчиками, но последние для большинства были слишком дороги.

С лета 1832 г. были проведены две первые дилижансные линии в самые популярные окрестности города — Крестовский остров и Новую деревню. В 1837 г. была введена в строй третья линия, на Полюстрово, где только что открылся “воксал” для концертов и танцевальных вечеров (*От Конки до трамвая* 1994: 68). Появление дилижансных линий было явно связано с необходимостью обеспечить возможность небогатым петербуржцам посещать загородные места, и, в частности, увеселительные сады.

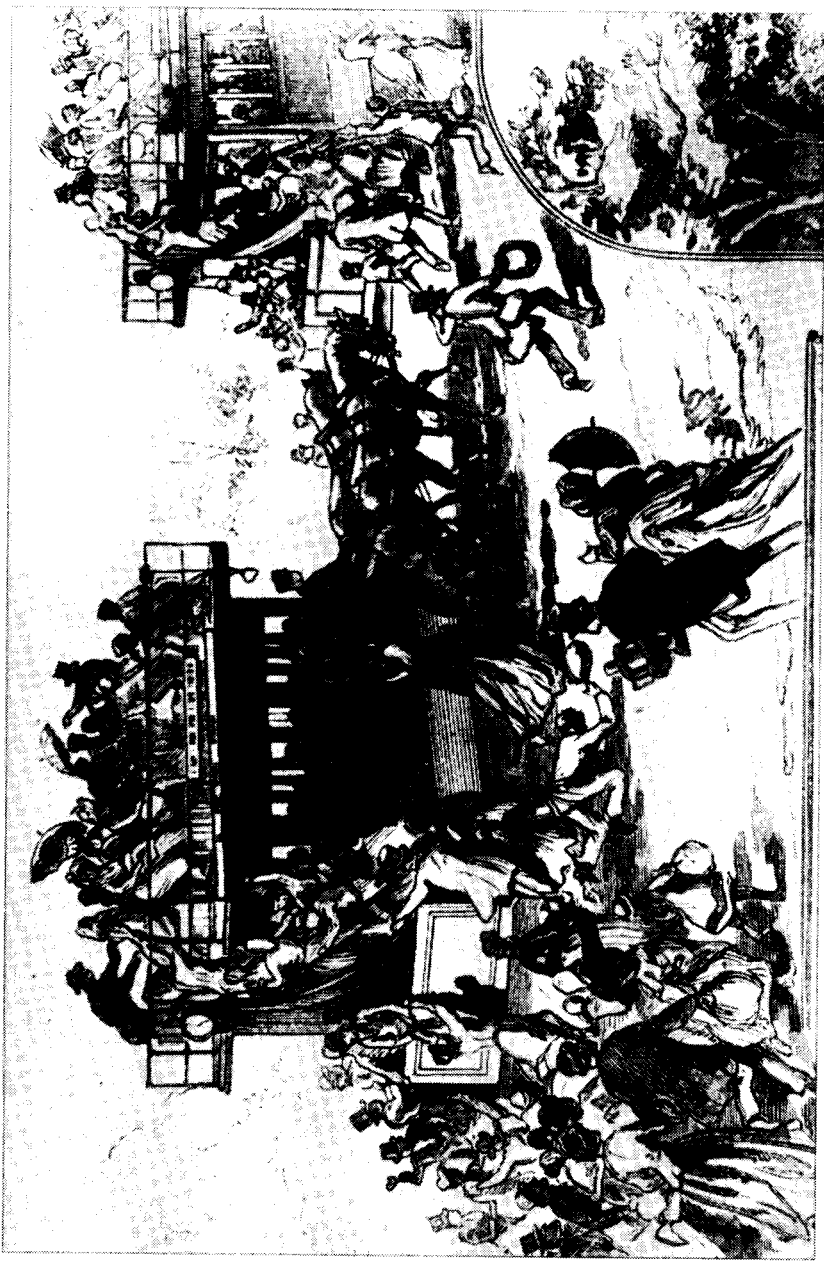
Уже в середине 40 гг. появились постоянные омнибусные маршруты в Заречные дачные места и в Екатерингоф. Последняя линия начинала действовать в самом начале мая, а иногда даже в апреле, заречные — 15 мая, когда уже наступал ледоход и наводили плашкотное мосты (Домоседов 1858, Засосов-Пызин 1991).

Пригородные рейсы обслуживали четыре компании, у каждой из них дилижансы были разного цвета — красные, желтые, зеленые, синие. Эти дилижансы отправлялись ежедневно с Невского проспекта, от Гостиного Двора (Домоседов 1858: 140). Вновь открытые линии пользовались успехом у горожан по разным причинам. Прежде всего их привлекали дешевизна проезда (от 15 до 30 копеек за билет в зависимости от расстояния) и избавление от монополии извозчиков, которые летом, когда спрос на них повышался, набавляли цену.³ Извозчики терпели убытки от дилижансов, которые презрительно называли “чертовыми куклами”. Горожане, несмотря на удобство только что появившегося общественного транспорта, в свою очередь, дали дилижансу кличку “сорок мучеников”, а слово “омнибус” насмешливо переименовали в “обнимусь”: громоздкие экипажи подпрыгивали и раскачивались на ухабах и пассажиров то и дело кидало в объятия друг к другу (*От копки до трамвая* 1994: 10).

С проведением железной дороги оживились и окрестности Петербурга, расположенные подальше от города: вначале — Павловск, конечная станция первой железной дороги в России (1837), затем район вдоль Николаевской железной дороги (1851), а позднее — вдоль Финляндского залива. В летнее время эти места привлекали столичных жителей именно своей отдаленностью от города, как наиболее полезные, с их точки зрения, для здоровья.

В пятидесятые годы поездка на дачу достигла такой популярности среди петербуржцев, что стал даже выходить специальный справочник с расписанием омнибусов, пароходов и поездов на Петергоф, Царское Село, Павловск и Гатчину (“Справочная книга для лиц, посещающих дачи и загородные увеселительные места, для отъезжающих во внутренние города империи и отправляющихся за границу на пароходах почтовых и частных”, СПб 1850). Просматривая расписание транспорта, убеждаешься, что оно составлено с учетом потребностей людей, работавших в Петербурге: в утренние часы сообщение было более частым из дачных мест в город, чем из города, особенно между

³ Некрасов говорит и о других преимуществах омнибусов: “Вместо того чтоб торговаться с извозчиками, которых к тому же не во всякое время можно отыскать на иных дачах... вы не заботитесь ни о чем, приходите в известный час к пункту отшествия омнибуса, платите четвертак и садитесь в спокойный и просторный дилижанс; вас не трясет, как на дурных извозчичьих дрожках; не пылится ваше платье; не набивается вам пыль в рот, нос и уши...” (1966: 357).

Петербургский транспорт. С рисунка XIX века.

восьмью и девятью часами, когда петербуржцы отправлялись на работу. С часа дня до десяти часов вечера было больше рейсов из города в дачные местности. Единственным исключением была Новая деревня, где дилижансы курсировали каждые полчаса, до двенадцати часов ночи, давая возможность петербуржцам засиживаться в трактирах и проводить время в самом популярном увеселительном саду И. Излера.

При съемке дачи учитывались не только ее отдаленность от города, но плата за сезон и дороговизна жизни в этом районе. Вокруг Петербурга цены на дачи были разные. Самые близкие, за исключением Новой деревни, были дороже, поэтому небогатый служивый люд обычно предпочитал удаленные дачные места за Черной Речкой — Лесное, Парголово, Заманиловка и т. д. В местностях рядом с Петербургом парки, сады, пруды и купальни были частными и за пользование ими надо было платить, в то время как в отдаленных местах получать удовольствие от природы не стоило ни копейки. Если говорить о типологии дачных мест, то необходимо учитывать фактор среды обитания и быта. По словам Лотмана (1994:12), "быт — это не только жизнь вещей, это и обычаи, весь ритуал ежедневного поведения".

Первоначально самым престижным дачным местом был Каменный остров, где проводило лето зажиточное дворянство. Этот остров выделялся среди других красотой дворцов и тишиной аллей, а за пределами дач можно было встретить только прислугу. Светская публика предпочитала проводить время в садах при дачах, где чувствовала себя свободно и непринужденно; ведь в городе придворные увеселения (театр, маскарады, балы и т. д.) входили в ее обязанности. Вечером на закате солнца знать любила ездить в каретах на стрелку Елагина острова (Пыляев 1994: 17).

Совсем другая атмосфера царила на соседнем Крестовском острове, где отдыхало и развлекалось простонародье. Простые люди проводили время в трактирах (особенно популярен был "Русский трактир"), слушали музыку и глазели на выступления бродячих актеров. На этом острове ежегодно летом петербургские немцы отмечали свой праздник "Куллерберг",⁴ а купцы ловили рыбу в тонях — специальных прудах. Присутствие немцев придавало острову особый колорит, что было отмечено и французским писателем Готье:

⁴ Подробнее см. Гэнслер И. С. *Куллерберг, или Петербургские немцы*. - В *Галерной гавани*. СПб. 1908.

il contient un charmant village de chalets ou petites maisons de campagne, habité pendant la belle saison par une colonie de familles généralement allemandes... Les maisonnettes de Krestovskij, travaillées dans ce style helvético-moscovite, doivent être de délicieuses habitations d'été. Un grand balcon, ou plutôt une terrasse inférieure formant comme une chambre ouverte, occupe sur la façade tout le premier étage. C'est là qu'on se tient dans les jours sans fin de juin e de juillet, au milieu des fleurs et des arbustes (Gautier 1978: 108).

Эта идиллическая картина жизни, без всякой экстравагантности, чистые, уютные домики с балконами, где кипят по утрам самовары, раздаётся детский смех, а вечером поют соловьи, была характерна и для Черной Речки, где проводили лето чиновники и купцы.

В Новой деревне было все иначе. Тут было мало зелени и цветов, было грязновато и пыльно, но зато весело, особенно в так называемом “жидовском квартале”, где приезжие “камелии” вносили некую пикантность в размеренную дачную жизнь. Это было любимое место холостяков, которые снимали дачу подешевле, рублей сорок за сезон.

Холостые чиновники являли собой особый тип дачника. У многих из них отпуск длился всего 7-10 дней, поэтому они предпочитали дешёвую дачу в Тентелевой деревне, в Новой и Старой деревнях, в Заманиловке, где жили, ради экономии, в одной комнате по несколько человек. Во время этого короткого отпуска они посещали окрестные дачи своих городских знакомых, в надежде, что их пригласят отобедать или переночевать.

Неимущие холостые канцеляристы не могли себе позволить нанять даже комнату. Они отправлялись на речку Карповку, ночевали на берегу под открытым небом или где-нибудь в роще, но так, чтобы утром выглядеть вполне прилично:

... все они одеваются франтами, хотя при этом приходится самому стирать в бане, а то и просто в Карповке, свою единственную рубашку, платок и несколько манишек (Кушевский 1875: 181)

В трех верстах от Новой деревни находились Коломяги, куда ездил веселиться невзыскательная публика: мастеровые — столяры, портные, сапожники, которые по воскресеньям превращались в напомаженных франтов (Некрасов 1966: 375).

За Черной Речкой сформировались два дачных места — Лесной институт (Лесное) и Парголово, где отдыхала, в основном, интеллигенция. Лесное стало оживляться в тридцатых годах, привлекая своей живописностью и смолистым ароматом сосен. Парголово, которое в начале XX в. уже не отличалось особой красотой, тогда привлекало

прекрасной разнообразной природой и своими довольно удобными и сравнительно дешевыми дачами. Образованные слои формировали новую эстетику дачной среды. Здесь постройки и сады отличались особой изысканностью и аккуратностью.⁵

Неподалеку от Второго Парголова, в Заманиловке, отдыхали скромные чиновники с семьями, а те которые получали “десять с полтиной жалованья” снимали дачи в черте города, на Петербургской стороне, где деревянные дома с садами создавали иллюзию загорода. Эта часть города представляла для бедного канцеляриста два преимущества: он мог ходить пешком на работу и на Крестовский остров.

Некоторые из них оставались на Карповке зимовать. Пустые холодные дачи сдавали обыкновенно за бесценок или разрешали в них жить вовсе даром, лишь бы они не пустовали, а летом, когда возвращались владельцы, жильцы переселялись на чердаки, в сарайчики, в пустые конюшни. Поиски и съемка дачи превращались в событие, в весеннюю Одиссею. Жители Петербурга отправлялись поездом или omnibusом в разные места, где нанимали крестьян-извозчиков, которые возили их в телегах по деревням в поисках наклеенных на окнах бумажек или черных дощечек с белой надписью на калитках домов о сдаче внаем. Но чаще всего у крестьян были свои адреса, куда они доставляли приезжих, за что получали от хозяев домов вознаграждение.

Другой способ найти дачу были объявления в газетах, которые не всегда отвечали ожиданиям съемщиков, как это случилось, например, с героями рассказа *Дача по объявлению*:

Сказано, что усадьба дача в 4 верстах от станции, а на самом деле в одиннадцати верстах.. Дороги нет никакой... Про озеро при усадьбе наврано... Сад у усадьбы нет... Лесу для прогулок и искания грибов тоже нет... (Лейкин 1912а: 236).

Иногда хозяева, чтобы заманить клиентов, временно обставляли дачу хорошей мебелью, которая исчезала как только жильцы поселялись:

...ездили в Павловск, чтобы осмотреть дачу и объявить о нашем скором переезде. Половина хорошенькой мебели, с которой я нани-

⁵ Выходили специальные издания, посвященные оформлению дачных построек. См., например, Шрейдер К. *Иллюминация. Рисунки всех родов декоративного освещения и убранства заланий и садов шкаликами, фонарями, бенгальским огнем, искусственными растениями и цветами и проч.* СПб 1856.

мал дачу, исчезла: ее перенесли в другую дачу того же хозяина, и вместо хорошенькой кушетки, поставили рваный продавленный диван... — Неужели же ту мебель оставить, с которой показывают! — пренаивно объяснил мне дворник. — Это завсегда так бывает: одна мебель для показа, а для подержания другая. Та мебель, что вам показывали была из генеральской квартиры взята, неужели-же ее для подержанья оставить за 75 рублей. *(Для поправки здоровья, Кушевский 1881: 149-150)*

Некоторые петербуржцы тянули до середины июня, чтобы нанять дачу за четверть цены, но таких было немного, большинство опасалось остаться без загородного жилища на лето.

Противоположный процесс имел место осенью, когда петербуржцы устремлялись в город, искать квартиру на зиму (речь идет о тех, кто переезжал на дачу, отказываясь от городской квартиры). Тут начиналась “несносная процедура странствования по улицам, лазания по четвертым и пятым этажам, бесконечные и однообразные беседы с дворниками и т. п.” (Симанский 1892: IV).

Для состоятельных чиновников переезд на дачу иногда усложнялся нежеланием прислуги следовать за ними. Горничные увольнялись, как правило, по двум причинам: либо им не нравилось дачное место, выбранное хозяином, где на их взгляд было мало возможностей для приятного времяпрепровождения (такими местами считались, например, Павловск и Царское Село), либо оно было слишком отдаленным от города и неудобным для общения с подругами или с женихами (Лейкин 1897). Кухарки предпочитали дачные места, в которые не надо было возить продукты из города, а можно было все купить в местных мясных и зеленых лавках, за что они как постоянные клиенты получали мзду от продавцов. Хозяйки это знали и, чтобы ублажить кухарку, уговорить ее остаться на лето повышали жалованье.

Устремление петербуржцев за город означало для них уход из искусственно организованного пространства, давящего громадами домов и бурным темпом жизни, на простор природы. При найме дачи предпочтение отдавалось тем, которые имели сад и находились вблизи леса, озера или реки.

На даче человек был свободен от всех городских обязанностей, сам решал, как распределить свое время, которое он мог посвятить любимым занятиям: гулять в лесу, собирать грибы и ягоды, удить рыбу, ловить бабочек, раков. На даче можно было, не торопясь, прочитать газету с первой до последней строки, наслаждаться здоровой деревенской пищей — парным молоком, дичью, зеленью (спаржей,

цветной капустой). Дачная жизнь протекала в саду или на террасе, последнюю часто заменяла парусиновая палатка, пристроенная к дому.

На лоне природы горожанин отдыхал, “освежал переутомленное тело и мозг” (*Хозяйка дома* 1895: 62). Этому особенно способствовала вода — одно из главных наслаждений дачников. Горожане много катались на лодках, загорали или спасались от жары в купальнях, которые специально устраивались на реках и прудах:

Белые палатки, назначенные для прохладного *far niente* прижались к зелени берегов, как сонные лебеди, по всему протяжению Невок... Эти полотняные помещения были небольшие... но в них было довольно места, чтобы по горло в воде, по-нубийски, отписать на плавучем пробковом столике пульку ералаша.⁶ (*Домоседов* 1858: 154)

Студенты по вечерам устраивали любительские спектакли, танцевальные вечера. Для этого молодежь собирала (не без труда) у дачников деньги, на которые арендовала сарай, одалживала посуду, столы, стулья, музыкальные инструменты. Сарай украшался сосновыми ветвями и зелеными гирляндами, освещался с помощью самодельных бумажных фонарей. У входа в этот “зал” пристраивали две парусиновые палатки; в одной играли в карты, а в другой находился буфет с прохладительными напитками, чаем, булками, фруктами — дынями, грушами, яблоками (*Лейкин* 1897).

Однако, не для всех дачная жизнь была идиллией. Только жены и дети пользовались по-настоящему всеми удовольствиями летнего отдыха. Как утверждает Михневич, видный петербургский журналист либерально-народнического толка, для многих петербуржцев жизнь на природе была “почти иллюзией”. Об этом свидетельствуют и юмористические рассказы, где главным героем часто выступает так называемый “дачный муж”, который ежедневно подвергается всем тяготам поездки в город и обратно на дачу, а жена и дети изводят его жестоким порой нелепых поручений. Осенью на плечи “дачного мужа” сваливается и забота о поисках городской квартиры (*Лейкин* 1897).

Тем не менее, поездка за город сулила петербуржцу не только наслаждение природой, не только избавление от городского быта, жёстко регламентированного и иерархизированного (ср. *Лотман* 1994), но и мир иных отношений. На даче, на лоне природы, менялось и быто-

⁶ Ералаш — карточная игра (разновидность виста или преферанса). Иногда дачники играли в карты, сидя в пруду, за специальным столиком.

вое поведение людей, ослабевали иерархические рамки. Это проявлялось и в этикете: “Помилуйте, что за церемония на даче! Здесь у нас попросту. Я и сам в рубахе” (Лейкин 1912b: 217-218).

Когда чиновник приезжал на дачу, он менял мундир и фуражку на халат и соломенную шляпу, а купец надевал туфли и полотняную сорочку взамен ситцевой рубахи с косым воротом (Лейкин 1912b: 227). Женщины надевали распашные капоты и на улице носили не шляпу, а филейную косыночку или кружевной фаншон.

Несколько иначе обстояло дело на Каменном острове, где светская публика наслаждалась, как и все, дачной жизнью — проводила время в саду, увлекалась купаньем и прогулками,⁷ но близость Петербурга не позволяла нарушать придворный этикет. Эти люди не показывались на улице без перчаток, а дамы без шляп. Неприлично было находиться на балконе в халате и в распашном капоте, даже на даче носили городские домашние костюмы. И только для дам допускалось одевать белый пеньюар, когда они направлялись из сада в купальню, находившуюся обычно против дачи, через дорогу (Лейкин 1912b: 267).

Для остальных горожан существовали как бы два города: зимний и летний, каждый из которых отличался своими нравами и обычаями. (Булгарин 1837). В “дачном Петербурге” бытовое поведение позволяло отклоняться от привычного иерархического порядка, от традиционного чинопочитания. Однако этот переход от городского бытового поведения к дачному не всегда происходил безболезненно. Пример тому рассказ Лейкина *Винтер* (1912a), герой которого статский советник с Владимирским орденом. Он жалуется, что уже две недели, как он живет на даче, но еще не нашел с кем сыграть в винт. Его жена, лишенная сословных предрассудков, предлагает ему разных партнеров: повара, парикмахера, урядника, учителя гимнастики, но он отказывается, так как ему это не полагается по чину. Он считает для себя допустимым партнером священника или учителя, но только латинского или греческого языков и математики. В конце концов он сдается, убедив себя, что на даче приемлемы другие нормы пове-

⁷ “Угол между Каменным и Аптекарским островами... Здесь гуляла публика высшего петербургского общества по широкой, усыпанной красноватым песком дорожке, обставленной зелеными деревянными скамейками. В это время [1802] в петербургском обществе входило в моду пешеходство — сам государь подавал тому пример” (Пыляев 1994: 24).

дения.⁸ Однако он так до конца не преодолевает свои “иерархические” понятия. Снизойдя до общения с людьми не своего круга, он делает вид, что имеет дело с равными по положению партнерами и как бы поднимает их до своего уровня, прося во время игры называть повара “экономом”.

По мере того, как летняя жизнь за городом стала привычной для петербуржцев, дачный быт становится одной из главных тем для многих литераторов и журналистов, которые по разному относились к этому новому увлечению горожан. Одни иронизировали над бедными чиновниками, рвущимися на дачу, другие сострадали им. Подвергались остракизму прессы ежедневный переезд горожан в город и обратно:

Ранним утром, часов в восемь, девять, эти злосчастные кочевники огромными толпами битком наполняют тесные, душные вагоны дачных поездов, конножелезные кареты и пароходы и направляются в затхлый, пыльный некрасивый летом Петрополь (Михневич 1887: 28)

Их мечта о жизни на природе:

под словом “деревья” надо подразумевать две-три сухих голых розги, воткнутые в землю... зелень можно видеть только в салатнике, когда она подается к обеду, а цветы, так же как и в Петербурге, цветут только на дамских шляпах (Кушевский 1875: 141).

О чистом воздухе: дачников нередко преследовали запахи навоза и кухни, испарения болот. Пыль покрывала сады дач, расположенных близ улиц. Кушевский ставит под сомнение панацею дачной жизни, осуждая врачей, рекомендующих всем уезжать на дачу, чтобы дышать чистым воздухом, забывая о том, что большинство петербуржцев люди с малым достатком, и вынуждены проводить лето в сараях, в хлевах, где условия жизни порою хуже чем в городских квартирах и воздух оставляет желать лучшего. Он отмечает, что для ряда чиновников дача была и делом престижности, повышала их социальный статус. Эти люди были готовы голодать зимой, чтобы летом пожить за городом, демонстрируя, что они “не простые какие-нибудь люди, а живут на даче”.

⁸ К примеру об урядчике чиновник размышляет так: “Он унтер-офицер, а я статский советник, что переводя на военные чины выходит полковник. Унтер-офицер и полковник — разница громадная, но принимая в соображение дачную жизнь и приурочивая винт к семейному быту...” (49).

Но существовал и другой взгляд на дачную жизнь. Например, Дружинин дает идиллическое описание дач в Заречном Петербурге:

Огромный ряд миниатюрных домиков, с микроскопическими садиками, глядели мило и приветливо. Садки были так малы, что в них едва могли сидеть 4 человека; тем не менее в каждом почти из них стоял зеленый стол и хозяйева дачи с гостями, сидя под тенью развесистой акации, играли в карты (1850: 60).

Он выступает и в защиту мелких чиновников, отстаивая их право пользоваться дачей, даже если это и “карточная лачуга”, ибо для последних это не дань моде, а потребность ухода от невыносимых условий жизни в городе. Пребывание на даче благоприятно сказывалось на здоровье (“смертность между их детьми уменьшилась”) и вносило “целую перемену в образе жизни, спасало от убийственного однообразия занятия...” (Дружинин 1861: 767), и было для многих возможностью наслаждаться простыми удовольствиями жизни:

Клочек домашнего запущенного садика, огороженного забором от посторонних глаз, непритязательный поттурно в кругу добрых друзей и тихая беседа за корзиной душистой клубники (Домоседов 1858: 61).

В заключение следует сказать, что несмотря на то, что существовали две среды обитания (город - зимой, дача - летом), как уже говорилось выше, все-таки дачная жизнь не означала для горожан резкий переход в другую форму существования. Вынужденные для многих ежедневные поездки на службу в Петербург, поневоле регламентировали загородный досуг. Кроме того, дачная жизнь не всегда удовлетворяла петербуржцев, которым трудно было отказаться от городских удобств и привычек. Горожане не стремились переселиться навсегда за город, хотя имели теперь такую возможность. Их вполне устраивало временное положение дачников, пребывание в пограничном состоянии между городом и деревней. Однако дачная жизнь приносила определенный корректив в традиционное бытовое поведение: развлечения и досуг занимали главное место в загородной жизни, и это способствовало установлению других, более открытых, чем в городе, отношений между людьми.

ЛИТЕРАТУРА

- Б. Ф. (Булгарин)
1837 Дачи. — Северная пчела (1837), 9 августа.
- Домоседов И. [Крещев И. П.]
1858 Петербург Заречный. — Русский иллюстрированный альманах (1858): 139-162.
- [Дружинин А. В.]
1850 Сентиментальное путешествие Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам. — Современник (1850) № 7. Отд. VI: 54-74.
1861 Новые заметки петербургского туриста. Нечто в защиту петербургских дач. — Век (1861) № 24: 761-768.
- Засосов Д. А.- Пызин В. И.
1991 Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Ленинград 1991.
- Конечный А.
1996 Петербургские общедоступные увеселительные сады в XIX веке. — *Europa Orientalis XV* (1996) 1: 37-50.
- Кушевский И. А.
1875 Маленькие рассказы. СПб 1875.
1881 Неизданные рассказы. СПб 1881.
- Лейкин Н. А.
1897 Дачные страдалцы. СПб 1897.
1912a На дачном прозябании. СПб 1912.
1912b Неунывающие Россияне. СПб 1912.
- Лотман Ю. М.
1994 Беседы о русской культуре. Санкт-Петербург 1994.
- Михневич В. О.
1887 Едем на дачу! — Петербургское лето. Фельетонные наброски. СПб 1887, с. 22-32.
- Некрасов Н. А.
1966 Петербургские дачи и окрестности. — Собрание сочинений в 8-и томах. Москва 1966, т. 5, с. 355-386.
- От конки до трамвая.*
1994 От конки до трамвая. Из истории петербургского транспорта. Санкт-Петербург-Москва 1994.
- Пыляев М. И.
1994 Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Репринтное воспроизведение 1889 года. С.-Петербург 1994.

Симацкий В. К.

1892 Куда ехать на дачу?. СПб 1892.

Столпянский П. Н.

1916 Старый Петербург. Петроград 1916.

Хозяйка дома

1895 Хозяйка дома. СПб 1895.

Gautier Th.

1978 Oeuvres complètes. Voyage en Russie. Voyage en Espagne. Voyage en Italie. Genève 1978.

